

ило пройти сорок километров по горным и лесным тропам и как ни в чем не бывало войти в город на виду у вражеских солдат.

Первую вылазку в Симферополь она совершила в ноябре 1941 года. Выйдя из лесу ранним утром возле деревни Джалман (Пионерское), она дождалась, когда начнется движение по шоссе, и, не торопясь, пошла по направлению к городу. Никаких документов на случай проверки она не имела. Единственное, чем она могла усыпить бдительность врага, — это молитвенник, лежавший в кошельке, и ее полумонашеское одеяние. В длинном темном платье, повязанная черным платочком, Щучкина шла навстречу потоку вражеских машин семенящей походкой, не оглядываясь по сторонам. Ни дать, ни взять — богомольная странница, несущая людям «слово божие». Так, видимо, и считали все, с кем она встречалась. Эта удачная маскировка помогла ей беспрепятственно дойти до Симферополя и отыскать нужный адрес: дом № 24 по улице Гоголя, где жила семья Петровых — родственников одного из партизан.

Глава семьи, 70-летний пенсионер Михаил Иванович Петров, старый моряк, был прикован к постели тяжелой болезнью. Жена его Наталья Петровна и невестка Зина выполняли при нем роль сиделок и по этой причине были вынуждены отказаться от эвакуации. У Зины к тому же был на руках трехлетний сынишка.

Комсомолка Зинаида Петровна не собиралась оставаться в стороне от всенародной борьбы против немецко-фашистских захватчиков. И когда ее попросили оказывать содействие партизанам, она это предложение приняла с огромной радостью.

В семье Петровых приветливо встретили «монашку». Ее накормили, дали ей приют, а затем Наталья Петровна в течение двух дней водила Щучкину по церквам. «Богомолки» каждый раз выбирали дорогу таким образом, чтобы Мария Nikolaevna могла видеть, где размещались воинские части, зенитные батареи, штабы и различные учреждения оккупантов.

Через два дня, выполнив задание и наладив в городе необходимые связи, Щучкина благополучно вернулась в лес.

До мая 1942 года Мария Nikolaevna регулярно посещала Симферополь. И каждый раз приносila исключительно ценные сведения о противнике, которые через

Ф. А. Якустиди.

М. Н. Щучкина.

связных или в зашифрованном виде по радио передавались в штаб обороны Севастополя. В сборе разведывательной информации ей активно помогала Зина Петрова со своими подругами.

3 мая вылазка М. Н. Щучкиной в город была последней. Ее опознала и выследила бежавшая из партизанского отряда и продавшаяся гестапо Мария Клеменцова. Вечером на конспиративную квартиру Щучкиной нагрянули гестаповцы. Головорезы учинили дикую расправу над семьей Петровых: Зина и Наталья Петровна были расстреляны как подпольщицы, а парализованный Михаил Иванович и его трехлетний внук отравлены газом в душегубке. Марию Николаевну палачи подвергли страшным пыткам и, не добившись от нее нужных сведений, расстреляли, а труп для устрашения симферопольцев повесили на столбе недалеко от входа в городской парк.

Родина высоко оценила подвиг отважной разведчицы. За мужество и геройство, проявленные в борьбе против фашистских захватчиков, Мария Николаевна Щучкина посмертно награждена орденом Красного Знамени.

Параллельно со Щучкиной разведку в Симферополе вели партизанки Нина Усова и Катя Федченко. Их путь

из партизанского лагеря в город проходил через село Залесье с выходом на Севастопольское шоссе.

Нина Усова, в прошлом инструктор Центрального райкома партии Симферополя, была закаленным, волевым бойцом. В ту пору ей было уже за тридцать лет. Рослая, с крупными чертами лица, обрамленного белокурыми волосами, решительная в поступках, она быстро завоевала уважение всего отряда. При взгляде на нее мне невольно вспоминались стихи великого русского поэта Н. А. Некрасова:

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц...

В игре ее конный не словит,
В беде — не сроеет, спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!

Двадцатилетняя первокурсница Крымского пединститута Катя Федченко была полной противоположностью Усовой. Никогда не унывающая хохотунья, она рядом с Ниной казалась даже немного легкомысленной. Но это только казалось. Усова первой разглядела красивую девушку девушки и настояла перед командованием, чтобы Катю назначили ее напарницей по разведке.

Они очень дружили, эти две партизанки. Пятинацать раз, рискуя жизнью, ходили они в Симферополь вместе, и о том, что они сделали для осажденного Севастополя, об их находчивости и героизме можно было бы написать увлекательную и волнующую книгу. Вот лишь несколько эпизодов из их боевой деятельности.

В Симферополе Катя и Нина установили связь с комсомольцем-подпольщиком врачом Николаем Эльяшем, работавшим в то время в госпитале для румынских офицеров и по совместительству в родильном доме. Николай помог разведчицам на некоторое время «осесть» в поселке Сарабуз, у знакомых, и установить наблюдение за немецким аэродромом. Усова и Федченко насчитали там десятки бомбардировщиков и транспортных самолетов, выяснили, что на аэродром ежедневно приземляются все новые и новые машины.

Изучив систему противовоздушной обороны аэродрома, разведчицы дали отличные целеуказания нашей бомбардировочной и штурмовой авиации. Как выяснилось

позднее, в результате массированного удара нашей авиации на сарабузском аэродроме было уничтожено более ста вражеских самолетов.

В ту пору мы даже не предполагали, насколько прочно советское командование обосновало в Крыму разветвленную сеть военной разведки. Оно всегда имело возможность проверить и перепроверить разведданные о дислокации, численности и передвижении войск противника. И лишь после того, как параллельные инстанции подтвердили, что сведения не ошибочные, на военные объекты гитлеровцев обрушивались бомбовые удары. Так случилось и на этот раз. Оккупантам долго пришлось устранять последствия авиационного налета на сарабузский аэродром.

Много лет спустя стало известно, что аналогичные сведения в порядке проверочного дублирования советскому командованию передала радиостанция группы военной разведки «Верного» (Ф. Т. Илюхина). Эта группа имела в Сарабузе связь с местными патриотами, среди которых был отважный парень Миша Бричевский. Кто-то, а он доставил гитлеровцам немало хлопот. Ныне Михаил Алексеевич Бричевский живет там же, где и вел борьбу с оккупантами, преподает английский язык в местной школе.

На этом примере наглядно видна тесная связь народных мстителей с регулярными войсками Советской Армии. Они выполняли единую задачу по разгрому ненавистного врага.

Но возвратимся к событиям тех трудных дней.

В мае 1942 года Нина и Катя обнаружили в Симферополе огромное скопление вражеских автомашин с надувными лодками и pontонами, предназначенными для десантных войск, которые должны были участвовать в очередном штурме Севастополя. Колонна была замаскирована в тени деревьев на привокзальном бульваре. Сюда разведчицы и нацелили удар советских бомбардировщиков с Большой земли. В своем донесении Николай Эльяш сообщал потом, что в результате налета нашей авиации почти вся колонна была уничтожена. Сгорело более четырехсот надувных лодок, множество pontонов, десятки автомашин.

Вскоре после этого разведчицы навели нашу авиацию на железнодорожную станцию, где скопилось несколько эшелонов с боевой техникой, боеприпасами, продоволь-

Н. М. Усова.

Е. В. Федченко.

ствием и снаряжением для снабжения армии оккупантов. Все они взлетели на воздух.

Каждый выход разведчиц из леса, не говоря уже о самой работе по сбору нужных сведений, был связан с огромным риском. Лес вдоль дорог был вырублен; дорога на Севастополь охранялась пикетами, связанными между собой телефонной связью и конными патрулями. В городе то и дело устраивались облавы. Несмотря на это, Усова и Федченко снова и снова уходили на разведку и ни разу не возвращались в отряд с пустыми руками. Они были в числе первых крымских женщин-партизан, награжденных орденом Красного Знамени.

* * *

Связь с Большой землей осажденный Севастополь поддерживал главным образом морским путем. На Кавказское побережье из Севастополя, мимо берегов Алушты, шли суда с ранеными. Обратными рейсами они доставляли в город пополнение, оружие и боеприпасы. Понятно, что гитлеровцы всеми способами стремились нарушить морские коммуникации и полностью изолировать морскую крепость.

В Алуште гитлеровцы выселили из Рабочего уголка все население и установили десятки мощных прожекторов, которые в ночное время обшаривали море, указывая цели своей дальнейшой артиллерии. Все прожекторные установки управлялись с центрального пульта, замаскированного на какой-то высоте, вдали от берега. Наша авиация несколько раз бомбила участок побережья в районе Рабочего уголка, но бомбёжки не давали желаемых результатов: отдельные прожекторы выходили из строя, а остальные продолжали нести свою зловещую вахту.

В апреле 1942 года из Севастополя в лес прибыл связной Кожухарь. Он передал партизанскому командованию задание от начальника разведки полковника Смирнова: установить точное местонахождение центрального пульта управления прожекторами. Это было нелегким делом. Фашисты объявили Рабочий уголок запретной зоной. Вдоль дороги, ведущей в Ялту, более чем за километр тянулись проволочные заграждения, охраняемые усиленными парядами. Еще тщательнее охранялся единственный въезд в зону — со стороны Алушты. Казалось, нет никакой возможности проникнуть за колючую проволоку и разузнать, где находится командный пункт прожектористов, и все-таки было решено пойти на риск. Отыскать центральный пульт управления прожекторных установок партизансское командование поручило бывшему старшему автоинспектору Алуштинского района Даниилу Вознякову. В помошь ему были назначены опытные партизанские разведчики Михаил Глазекрицкий и Дмитрий Овсянников. Оба они до войны также работали в Алуште и хорошо знали местность в районе Рабочего уголка.

День ушел на подготовку к операции. Начальник разведки района Якустиди и его заместитель Витенко помогли разведчикам выбрать наиболее осуществимый вариант проникновения в зону и выхода из нее и с наступлением темноты проводили на опасное задание.

На рассвете разведчики благополучно пробрались в Алушту и остановились на дневку на одной из конспиративных квартир. Вечером Возняков, Глазекрицкий и Овсянников приступили к выполнению задания. Под покровом темноты все трое незамеченными подобрались к воротам. Замысел был смелый: бесшумно снять часовых и войти в зону. Но хлынувший дождь внес в этот план

существенную поправку: пока часовые надевали плащи, Глазскрицкий ужом проскользнул за ворота и скрылся в кустарнике по ту сторону колючей проволоки.

Пробираясь ползком, он тщательно осматривал местность. Пульта управления нигде не было видно.

«Немцы при каждом удобном случае любят зарываться в землю, — мелькнула у разведчика догадка. — Нужно искать ход сообщения».

Территория Рабочего уголка была изрезана множеством траншей, и одна из них вывела Глазскрицкого к холму, из-под которого слышались приглушенные голоса. Через отдушину, идущую откуда-то из-под земли, разведчик увидел тоненькую полоску света.

Глазскрицкий чувствовал, что напал на цель. Но ведь мог быть еще и запасный пульт управления, поэтому он продолжал осмотр зоны. Только в третьем часу ночи, исследовав территорию Рабочего уголка вдоль и поперек, разведчик стал думать о том, как отсюда выбраться.

Обратный путь был закрыт: дождь прекратился так же внезапно, как и начался, и часовые у ворот снова находились на своих местах. Оставалось одно — попытаться найти лазейку под проволочным заграждением.

Проволока могла быть под током, поэтому Глазскрицкий кинжалом начал подкапывать землю возле большого валуна, а затем, вдавливаясь в канаву всем телом, выбрался на шоссе.

Возняков и Овсянников, замаскировавшись в кустах, до самого рассвета ждали Глазскрицкого у входа в зону, готовые, если надо, прикрыть отход своего товарища огнем автоматов. Но Глазскрицкого не было, а рассвет не сулил им ничего доброго. Волей-неволей им пришлось оставить облюбованную позицию и отправиться в лес. Болюка была их радость, когда в намеченном ранее пункте сбора навстречу им вышел Глазскрицкий, которого они считали погившим.

Несмотря на трудную, полную нервного напряжения ночь, отважные разведчики не разрешили себе ни минуты отдыха. В лагере их ждал связной из Севастополя, и они тотчас же двинулись в обратный путь. Но тут их подстерегали новые испытания. Пока они находились в Алуште, оккупанты начали очередной прочес леса. Километров за десять до штаба партизанского района Возняков, Глазскрицкий и Овсянников увидели впереди себя сплошную цепь карателей.

Можно было бы, конечно, отойти назад, замаскироваться, переждать конца прочеса и потом явиться в штаб. Но это значило, что сведения, добытые с таким риском и так необходимые Севастополю, не будут доставлены во время и гитлеровские артиллеристы при свете прожекторов будут безнаказанно обстреливать идущие мимо Алушты советские корабли.

По предложению Вознякова разведчики приняли смелое решение: Глазекрицкого, который держал в памяти все разведанные, замаскировать в кустах под слоем листвьев и веток, а остальным завязать с карателями бой, отвлечь противника на себя и постепенно отходить, уводя гитлеровцев в сторону, чтобы открыть дорогу Глазекрицкому.

Так они и сделали. У Овсянникова и Вознякова было по два-три десятка патронов и несколько гранат. Несмотря на это, они завязали неравный бой с карателями, внесли замешательство в их ряды... Вдвоем они уничтожили более двадцати гитлеровцев. Ценой своей жизни они дали Глазекрицкому возможность своевременно доставить сведения в штаб партизанского района и благовременно предупредить командование о карателях. Удар гитлеровцев пришелся по пустому месту, а связной Кожухарь в тот же день отправился через линию фронта в Севастополь, неся с собой точные координаты центрального пульта управления прожекторных установок. А еще через день летчики авиации Черноморского флота обрушили на него смертоносный груз своих бомбардировщиков. Пульт управления вместе со всем обслуживавшим персоналом взлетел на воздух.

Так была отмщена смерть двух героев-разведчиков.

С болью в сердце восприняли партизаны весть о гибели своих товарищей, еще более усилили удары по врачу. В эти дни многие молодые партизаны — Николай Дементьев, Андрей Сермуль, Катя Федченко и другие — подали заявления с просьбой принять их в ряды Коммунистической партии.

* * *

Партизанские разведчики многое сделали и для дезинформации противника, постоянно путали его карты, мешали ему сосредоточить силы на наиболее опасных и ответственных участках обороны. Припоминаются такие два эпизода.

Со второй половины мая бои за Севастополь стали еще более ожесточенными. К линии фронта нескончаемым потоком подтягивались свежие дивизии. Усилились воздушная бомбардировка и артиллерийский обстрел города. По всему чувствовалось, что враг готовится к третьему, решающему штурму.

В то время наш лагерь находился в лесу, у горы Марта, неподалеку от казармы Славич. Партизанские жилища располагались в гени многолетних деревьев. Огромный развесистый дуб стал нашим наблюдательным пунктом.

Все значительнее становились операции партизан. На минах подрывались вражеские эшелоны и автомашины. Взлетали на воздух мосты и водокачки. Надолго выходили из строя линии связи. Ялтинцы под руководством комиссара района Захара Федосеевича Амелинова взорвали большой участок Ай-Петринского шоссе. Евпаторийцы взяли под контроль Севастопольскую и Алуштинскую дороги. Бахчисарайский отряд оседлал шоссе Симферополь — Бахчисарай. Благодаря хорошо налаженной радиосвязи партизаны перешли к совместным боевым действиям с нашей авиацией.

Мы выделили в распоряжение Евпаторийского отряда опытного проводника Сашу Быкова и разведчиков Шилина и Шмелева. Минуя вражеские заслоны, они забрались на скалистую вершину горы Курушлю, откуда хорошо просматривались все дороги, ведущие на Севастополь. С тех пор в эфир ежечасно отправлялись позывные «абонента номер два», передавались результаты наблюдений за передвижениями войск противника.

В начале июня 1942 года начался третий штурм города-героя. И именно в это время летчики доставили в штаб партизанского района два пакета, один из которых должен был во что бы то ни стало попасть в руки немецкого командования. Второй пакет был адресован начальнику разведки Ф. А. Якустиди. В нем говорилось, что немцы беспрерывно атакуют позиции Приморской армии по всему фронту, что на участках некоторых соединений сложилось угрожающее положение и, чтобы отвлечь от них гитлеровцев, нужно, не вызывая ни малейшего подозрения у немецкого командования, вручить ему пакет с приказом командующего армией о наступлении и приложенной к нему схемой.

Документы, само собой разумеется, были ложные.

Поверив им, гитлеровцы должны были немедленно произвести перегруппировку своих войск. Этого и добивался штаб Приморской армии.

В приказе командующего особая роль отводилась воздушным десантам с Большой земли и партизанам, которые должны были ударить по гитлеровцам с тыла, расчленить их боевые порядки и выйти на соединение с Приморской армией.

Замысел штаба армии пришелся партизанам по душе. Осуществить его начальник разведки поручил группе партизан во главе с Александром Махневым и Василием Талышевым. В группу был включен также пробравшийся в партизанский отряд предатель по фамилии Мисюра, окончивший у немцев специальную школу. Этот немецкий холуй шел на задание нехотя; до сих пор ему не удалось передать ни одного донесения своим хозяевам (ему и невдомек было, что уже две недели наши разведчики наблюдали за каждым его шагом).

В вещевом мешке Мисюры лежал экземпляр «сов. секретного» приказа Приморской армии, тайно вложенный туда разведчиком Сылченко.

Из лесу разведчики вышли ночью. К рассвету они были на шоссейной дороге Симферополь — Алушта. На перевале, откуда открывался хороший обзор шоссе в обе стороны, партизаны залегли. Прошло всего несколько минут, как со стороны Алушты показались две автомашины. Этот момент разведчики и использовали для того, чтобы привести в исполнение приговор предателю. Увидя направленные на него автоматы, Мисюра все понял и кинулся к дороге. Здесь и настигла его партизанская пуля (а может, и немецкая, потому что в тот же момент партизаны обстреляли ехавших на автомашине гитлеровских солдат и между ними завязалась перестрелка).

В. П. Талышев.

Партизаны, расстреляв по одному диску, стали отходить. Задание было выполнено.

Позднее стало известно, что «сов. секретный» пакет из вещевого мешка Мисюры в тот же день был доставлен в штаб Манштейна, и вскоре армейские разведчики обнаружили спешные перемещения войск в тылу врага. Отборные воинские части были брошены гитлеровцами в район предполагаемой высадки воздушного десанта и сосредоточения партизан. Но ни десантников, ни партизан они, разумеется, не повстречали, если не считать нескольких засад в теснинах и на горных кручах.

Операция с «совершенно секретным» пакетом удалась как нельзя лучше. За успешное осуществление этой операции Александр Махнев и Василий Талышев были награждены орденом Красной Звезды.

В ходе третьего штурма немецкое командование рассчитывало быстро снять фронт и прорваться к Северной бухте, но вновь просчиталось. Бон принял затяжной характер. Лишь 22 июня ценой огромных потерь гитлеровцам удалось вклиниваться в оборону Севастополя.

В этот день в отряд вернулся проводник Саша Быков. Всегда веселый и жизнерадостный, он выглядел сегодня стариком. Под красными от бессонницы глазами залегли глубокие морщины, на голове — багрово-красный бинт. Гимнастерка почернела, сам еле держится на ногах.

— Что случилось, Саша?

— Беда, Андреич... Связь с Севастополем потеряна...

— Как?

— Вчера радиостанция целый день бился — нет приема! Сколько ни вызывали, Севастополь молчит. Ночью вдруг будет нас: «Послушайте, говорит, или мерещится мне что-то». Подскочили мы к радио. Прислушались, словно из-под земли кто-то шепчет: «Абонент номер два... Абонент номер два... Спасибо за помощь... Возвращайтесь домой...» Вот я и пришел...

— А Шмелев и Шиллин где?

— На горе остались. Мне сказали: «Иди, Саша, в отряд, командиру передай. А мы тут еще понаблюдаем. Быть может, Севастополь отзовется».

На другой день мы принимали «уточку» Феди Мордовца. Этого храброго черноморского летчика хорошо знали во всех отрядах. В любую, казалось, самую нелетнюю погоду лейтенант приземлял свой старенький, по-

видавший виды У-2 на самые неприспособленные площадки.

Сегодня у Феди пятнадцатый по счету вылет к партизанам. Как обычно, кроме продуктов, газет и писем, он привез самые последние сведения о положении дел на фронте.

— Нет больше Севастополя, товарищи, — с нескрываемой грустью сказал летчик, — развалины одни. Все погорело. Камни на мостовой и те горячие. В бухте пусто, как на кладбище, только мачты торчат из воды... Люди под землю ушли, а эвакуироваться не хотят. Кто только оружие в руках держать может — все на передовой. Но положение тяжелое.

Это были последние дни сражения за город. Оставшиеся в живых доблестные защитники черноморской твердыни отходили к Херсонесскому мысу. 3 июля, после 250-дневной героической обороны, наши войска по приказу Верховного командования оставили Севастополь. Только последние двадцать пять дней штурма стоили врагу 150 тысяч солдат и офицеров, в том числе не менее 60 тысяч убитыми.

С глубокой печалью слушали мы сообщение Совинформбюро:

«...Военное и политическое значение Севастопольской обороны в Отечественной войне огромно. Сковывая большое количество немецко-румынских войск, защитники города спутали и расстроили планы немецкого командования. Железная стойкость севастопольцев явилась одной из важнейших причин, сорвавших пресловутое «весеннее наступление» немцев. Гитлеровцы проиграли во времени, в темпах, понесли огромные потери людьми.

Севастополь оставлен советскими войсками, но оборона Севастополя войдет в историю Отечественной войны Советского Союза как одна из самых ярких ее страниц. Севастопольцы обогатили славные боевые традиции народов СССР. Беззаветное мужество, ярость в борьбе с врагом и самоотверженность защитников Севастополя вдохновляют советских патриотов на дальнейшие геронческие подвиги в борьбе против ненавистных оккупантов».

...Гнетущая тишина. Со стороны Севастополя не доносится больше знакомый гул канонады. Только видно громадное зарево.

Сразу же после падения Севастополя состоялось совещание командиров и комиссаров отрядов. Заместитель

начальника района по разведке Федор Афанасьевич Якустиди — старый коммунист, опытный чекист — доложил, что, по имеющимся данным, в ближайшие дни следует ожидать большого прочеса леса. К «решительному наступлению» против партизан фашисты привлекают отборные войска, в том числе две дивизии СС и СД, танки, кавалерию, самолеты и горную артиллерию.

Якустиди подошел к карте и обозначил стрелками исходные рубежи противника.

— Наступать гитлеровцы будут, очевидно, с четырех сторон: от Байдарских ворот, со стороны Симферополя, Ялты и Алушты. Наша задача: хорошо подготовиться к встрече с врагом. Времени мало — не больше недели: немцы намечают начало операции на 12 июля...

В лагерь мы возвратились поздно ночью. Никто еще не спал. У костров сидели усталые, озабоченные люди, ожидая нашего прихода.

— Что будет дальше, Андреич? — спросил Суполкин. — Как теперь без Севастополя? Ведь все верили, что отстоим его. А тут такая беда...

— Воевать будем!

Но, видимо, неуверенно прозвучал мой ответ, или просто его не расслышали. Со всех сторон поднялись люди, окружили нас с комиссаром плотным кольцом. Правду скрывать нельзя, и я сказал:

— Севастополь пал, товарищи. Но мы останемся здесь...

— Для чего?

Все повернулись в сторону, где, облокотившись на винтовку, стоял худой — одни кости да кожа, — давно не бритый партизан. В этом изможденном человеке я с трудом узнал Виктора Хромочкина — смелого и душевного человека.

— Уставились на меня и думаете небось — сдрейфил Хромочкин! Пасует, за шкуру свою дрожит. А я смерти не боюсь! Две жизни бы отдал, если б мог, только бы Севастополь вернуть!

И он заплакал.

— Мы обязаны, продолжать борьбу! Это необходимо, чтобы скорее освободить Севастополь и весь Крым.

— Ну, а что завтра-то делать будем? — спросил Леня Глушко.

— На рассвете выходим к Пескуре — готовится крупный прочес всех лесов. Об остальном поговорим утром...

Позднее кто-то сложил песню о Севастополе на мотив известной песни «Раскинулось море широко». Партизаны очень любили ее и часто пели хором у костра, вспоминая тяжелые дни:

Раскинулось Черное море,
И волны бушуют вдали,
Огромно народное горе —
Враги в Севастополь вошли.

Сожгли изуверы кварталы домов,
Разрушена вся панорама.
Не знает предела жестокость врагов:
Весь город — кровавая рана...

В этой рожденной в боях песне были и горе, и мечта, и вера в окончательную нашу победу. Мы знали, что Севастополь будет освобожден и восстановлен, что он станет еще краше и величественнее, чем был до войны.

АННА ЕГОРОВНА

О несгибаемой силе, о душевой красоте советского человека и его любви к Родине думаю я, когда пишу эти строки.

Хочу рассказать о простой русской женщине, отдавшей свою жизнь за счастье родной земли, о подвиге Анны Егоровны Сандуловой. Партизаны помнят ее до сих пор. Разве можно забыть ее подвиги, вдохновлявшие нас на беззаветную борьбу за Отчизну?

В те дни, когда Крым оказался глубоким немецким тылом, мы знали об этом человеке не все. Анна Егоровна, как и многие другие коммунисты, ушла вместе с сыном на новое задание. Но ее схватили немцы. Нам не было известно, как она приняла смерть. Но шло время, и мы все больше узнавали об этой геройне. Вернулся в отряд ее сын Анатолий, он рассказал о последних часах жизни матери. Впоследствии от пленных немцев и полицаев мы узнали, как умерла Сандулова.

Чтобы рассказать эту историю, надо вернуться к начальному периоду оккупации.

Старая коммунистка, сердечный, уважаемый в районе человек, Анна Егоровна работала заведующей колхозной детской площадкой в селе Мангуш. Когда фронт стал приближаться, ей поручили организовать заготовку